

К истории витрувианства на Западе и у нас

С именем римского архитектора и инженера Витрувия неразрывно связано представление об античной классической архитектуре и об образцовой, полноценной архитектуре вообще. «Витрувий, или совершенный архитектор», «Витрувий Британский» — «*Vitruvius Britannicus*», «Витрувий Датский», — «*Vitruvius Danicus*»¹ и т. п. — таковы обычные заглавия массы сохранившихся всевозможных изданий, претендующих дать наиболее совершенные руководства по архитектуре или наиболее совершенные ее образцы в самых различных странах и в разные эпохи.

Ни до Витрувия, ни после него равноценной его труду работы не появлялось. До Витрувия были лишь частичные трактатики, *particulae errabundae*, как он их сам называет, почти все на греческом языке, по отдельным вопросам архитектуры или единичным ее сооружениям. Витрувий первый дал сводку критически просеянного материала, своего рода «свод законов полноценной архитектуры» — *corpus architecturae*, как он сам свой труд называет. И, повидимому, он не имел в античности подражателей, если не считать его эпитоматоров и Плиния, анахронистически, фрагментарно и схематически повторяющих все тот же витрувианский комплекс архитектурно-строительных правил и ровно ничего нового к нему не прибавляющих. А между тем, в эпоху, отделяющую их от эпохи Витрувия, несомненно, имел место значительный прогресс технических приемов и достижений, почему-то, однако, совершенно не регистрировавшихся, не учитывавшихся и не систематизировавшихся. Этот загадочный факт приходится только констатировать, объяснение ему могла бы дать только научно-разработанная история античной техники. Но таковой, как известно, пока не существует. Получился своего рода порочный круг: для ее появления нужна в виде предпосылки историко-техническая обработка таких документальных источников, как трактат Витрувия, «Естественная история» Плиния и пр., но настоящий исторический подход к этим источникам в свою очередь затруднен как-раз отсутствием четких исследований истории античной техники.

До XIX в., до установления критической и исторической точек зрения на явления жизни человечества и его культуры, выход был довольно прост. Трактат Витрувия считался откровением идеальной архитектуры «идеальной эпохи» Августа. И если Витрувий в античности не нашел себе достойных последователей и подражателей или продолжателей, то, начиная с эпохи Возрождения, подражавшие Витрувию трактаты и переводы его собственного трактата, равно как и комментарии к последнему и иллюстрации, посыпались массой, как из рога изобилия. Три итальянских витрувианца чуть было совершенно не заслонили самого Витрувия: в теории — Альберти,

¹ Называю те издания, которые наиболее часто попадают на глаза в наших московских и ленинградских библиотеках.

который открыто претендовал заменить своим, якобы «более ясным, стилистически более литературным, технически более современным» трактатом «темный по языку и формулировкам, нелитературный» трактат Витрувия; в практике—Виньола, который подкупал простотой и изяществом формулировок своего «упрощенного Витрувия», и, наконец, Палладио, который сам скромно признавал себя лишь учеником Витрувия, но как наиболее зрелый и совершенный представитель, корифей итальянской архитектуры Ренессанса, стал главой школы палладианцев, воспринимавших античную архитектуру и Витрувия сквозь призму «палладианства».

Что касается Альберти, то против его притязаний заменить Витрувия открыто протестовали более поздние и более зрелые представители того же итальянского зодчества, указывая даже, что он со своим схематизмом был первым виновником искаженных представлений об античной архитектуре. Желая заслонить собой Витрувия, он не останавливался даже перед явными на него наветами и передержками, чтобы выставить себя в более выгодном свете и оттенить свое пред ним преимущество и превосходство. Так, Альберти возводит на Витрувия явный навет, будто тот требует от архитектора «всезнания», тогда как совершенно напротив—Витрувий сам восстает против таких требований, предъявлявшихся к архитекторам греческим архитектором Питеем. Альберти берет на себя роль ментора Витрувия, а Витрувию отводит роль опровергаемого им Питея. Такой литературный прием весьма характерен для общего облика гуманиста Альберти и показателен для популяризаторских артистически-дилетантских установок его трактата, который, по меткому выражению немецкого витрувианца конца XVIII в. Августа Роде, тщетно своим лунным, заимствованным светом силится затмить свет оригинального солнца. Этот-то чисто литературный прием редактор серии «Классиков теории архитектуры» (Альберти, Палладио, Витрувий и пр.) А. Г. Габричевский в одном из своих докладов об Альберти (см. стенограмму в журнале «Академия архитектуры» за 1934 г., № 1—2) принял за чистую монету и за доказательство самостоятельности Альберти, независимости его от Витрувия, критического отношения первого к последнему. А во вступительной статье к выпущенному Академией архитектуры переводу трактата Альберти тот же А. Г. Габричевский приписывает Альберти новаторство в том, что является чистейшим заимствованием у Витрувия, разумеется, *mutatis mutandis*. Далее мы видим, как сомнительные аргументы пускаются в ход для доказательства якобы несправедливого выдвигания Витрувия в ущерб теоретикам архитектуры эпохи Возрождения. На самом же деле, как раз наоборот, на протяжении веков идет борьба за подлинного Витрувия против теоретизирующего схематизма Альберти, против узко-практического упрощенчества Виньолы, против фасаднического формализма палладианства. Французский классицизм, опять-таки под знаменем Витрувия, выступил открыто против «итальянского классицизма»—«виньолизма» и его эволюции в свою противоположность—барокко. Точно так же против господства французского классицизма и его эволюции в свою противоположность—рококо в XVIII в.—выступили, опять-таки под знаменем Витрувия, все подпавшие под французское влияние европейские страны (отсюда вышепоименованные «*Vitruvius Britannicus*», «*Vitruvius Danicus*» и т. п.) и выработали каждая свой более или менее оригинальный классицизм.

Как уже было указано, Витрувий с самой эпохи Возрождения вплоть до XIX в. культивировался, главным образом, как откровение «образцовой» эпохи Августа с ее расцветом искусств и особенно архитектуры, имевшим место исключительно якобы благодаря его, Августа, «меценатству». Предисловие к Витрувию Перро, переведенное в виде предисловия к русскому переизданию Баженова, является яркой к тому иллюстрацией¹. Все старые издания Витрувия, начиная с самого первого («*Editio princeps*»,

¹ «Качество архитектора при Юлии Кесаре и при Августе и слава того века, в котором он, т. е. Витрувий, жил, и в котором, как думают, все находилось в величайшем

С у л ь п и ц и я, XVI в.), посвящаются содействующим их появлению в свет самым высокопоставленным лицам. В XVIII в., в веке по преимуществу, можно сказать, витрувианском, когда возникает витрувианство, наконец, и в России, оно, как и в предыдущие века, остается под знаком меценатства. Но если в предыдущие века меценатами были римские папы, итальянские кардиналы и французские короли, которым посвящались издания Витрувия, то в XVIII в. мы имеем английское издание, посвященное английскому королю Георгу III (Ньютона), испанское издание, посвященное испанскому королю Карлу III (Ортиса), итальянское издание, посвященное Альфонсу, королю арагонскому и неаполитанскому (Галиани), и, наконец, русское, посвященное имп. Елисавете Петровне, «христианских веков Августу» (кабинет-переводчика Степана Савицкого). Таким образом, Россия не отставала от других европейских стран, но развитие в ней искусств и специальной архитектуры, как показывает оставшийся неизвестным старый перевод Витрувия или выявленное впервые на Останкинской выставке творчество крепостных архитекторов, остается до сих пор почти совершенно неисследованным. Между тем, при самом поверхностном обзоре изданий по архитектуре, вышедших на протяжении XVIII в., мы можем констатировать совершенно аналогичные западноевропейскому витрувианству явления: при Петре I появляется переводное с французского руководство по архитектуре «Яков-Бароций де-Вигнола. Правила о пяти чинах архитектуры» (Алексея Зубова, СПб, 1709). Затем вырастает, как реакция против виньолизма, течение в пользу перехода от виньолизма к первоисточнику и отцу архитектуры, Витрувию; и вот, в результате, к моменту основания Академии художеств в 1757 г., приурочивается подношение имп. Елисавете перевода Витрувия, выполненного с латинского подлинника кабинет-переводчиком Степаном Савицким. Судьба этого перевода неясна ввиду вообще полной нерасследованности вопросов архитектуры тех времен. Этот перевод Витрувия, и в смысле точности, и в смысле литературности весьма ценный, не был, повидимому, опубликован, хотя и этого еще нельзя категорически утверждать. Остается совершенно неразысканным (печатный или рукописный?) экземпляр, поднесенный имп. Елисавете, который, возможно, стал жертвой гонений вообще на все елисаветинское с воцарением имп. Екатерины II. В 1906 г. видел воочию рукописный экземпляр перевода Савицкого ленинградский архитектор, профессор б. Института гражданских инженеров (ныне Институт коммунального хозяйства в Ленинграде) И. Б. Михаловский, как он и сообщает об этом в своем курсе по теории и истории архитектуры: «Архитектурные ордера», Петроград, 1916, стр. 14: «Существует перевод Витрувия на русский язык Савицкого, времен имп. Елисаветы Петровны: кажется, он не был напечатан,—мы видели его в рукописи». После больших усилий нам удалось, наконец, в подвалах рукописных фондов отыскать эту интересную рукопись перевода Савицкого.

Этому переводу Витрувия, его культурно-историческому и архитектурно-техническому значению, в сопоставлении с переизданием французского Витрувия вышеупомянутым знаменитым русским архитектором Вас. Ив. Баженовым, будет посвящена особая статья. Здесь же скажем только, что как первая полоса русского витрувианства (в первой половине XVIII в.) завершилась появлением русского перевода Савицкого, с латинского оригинала, так вторая полоса русского витрувианства (во

совершенстве, должно нас много уверить о достоинстве его сочинений» (Марка Витрувия Поллиона об архитектуре кн. 1-я и 2-я с примеч. д-ра медицины и Франц. Академии члена г. Перро. С франц. на российский язык переведены при Модельном доме в пользу обучающегося архитектуре юношества, иждивением Римской Академии св. Луки профессора, Флорентинской и Болонской Академий члена, Императорской Санкт-петербургской Академии художеств академика, Императорской Академии Российской и Экспедиции строения Кремлевского дворца члена г. Коллежского Советника Василья Баженова. В Санкт-Петербурге, при Имп. Академии наук, 1790 года), стр. 11.

только вернулся из-за границы Каржавин, он тотчас же в противовес этому «Новому Виньоле» выпустил своего портативного «Сокращенного Витрувия» Перро с прибавлением уже совершенно оригинального труда—объяснительного словаря архитектурных терминов, до того представлявших на русской почве сумбурную мешанину чисто-французских и чисто-итальянских терминов: «все так, как кто какую переводил книгу с итальянского ли, с французского ли, тот таковые клал и речи» (стр. VIII предисловия к «Сокращенному Витрувию»).

На протяжении почти всего XIX в. и начала XX в. длится, по выражению новейшего витрувианца инженера Заккура, эпоха поразительной недооценки Витрувия («eine Epoche auffallender Minderbewertung Vitruvs», W. Sackur—Vitruv. Berlin, 1925, S. 5), торжества «виньолизма», «палладианства», среди всяческих попыток смягчить тиранию их готовых формул при помощи всевозможных «упрощенных теорий». Наибольший успех среди авторов этих «упрощенных теорий» выпал на долю уже упомянутого ленинградского профессора архитектуры И. Б. Михаловского, который у нас, как Шуази на Западе, создал некий компромисс между витрувианством и виньолизмом¹.

После Октябрьской революции, наряду со всеми прочими областями культуры, оживилась и архитектура, которая совершенно заглохла во время войны. Вначале, однако, новаторство и «дерзание» не шли дальше чертежей, дальше «бумажной» архитектуры, но тем смелее и решительнее отвергались «канонь» архитектуры исторического прошлого. «Все, чем дышали и жили в течение нескольких столетий многие поколения буржуазно-дворянских архитекторов, академические традиции псевдоклассицизма, которым слепо подчинялись и рабски следовали до революции, тирания античных ордеров, архитектура Греции, Рима, Возрождения, ампира, авторитет Витрувия, Палладио, Виньола, Браманте и пр.—все это подвергалось, в горячечных поисках нового, жестокому обстрелу и разрушению» (В. Я. Х и г е р—Пути архитектурной мысли. 1917—1932, М. 1933, стр. 8).

Но вскоре, с развитием социалистического строительства, поставлена была задача освоения положительного наследия прошлого архитектуры. Воскресло «палладианство» в лице крупнейшего его мастера Жолтовского и его школы; воскрес самый неприкрытый «виньолизм» в архитектурных вузах наряду с прежними смягчающими его «упрощенческими теориями», а в связи с этим, к сожалению, воскрес и чистейший эклектизм как в теории, так и в практике. Задумана была и учреждена как авторитетный, руководящий архитектурный центр,—Всесоюзная Академия архитектуры; следует, однако, сказать, что лозунг соединения энтузиастического революционного порыва с усвоением ценного архитектурного наследия прошлого и с успехами новейшей техники исходил не от Академии, а рождался на самих великих стройках и осуществлялся «на глаз» в процессе их организации и оформления.

Издательство Академии архитектуры выпустило в свет перевод трактата Альберти и затем Палладио, причем попытка определить отношения родоначальника архитектуры Витрувия и Альберти во вступительной статье к переводу его трактата были крайне неудачны, как это уже было отмечено выше, а в издании перевода Палладио они и вовсе отсутствуют. Не касаясь здесь общей оценки этого издания (см. «Историк-Марксист» № 3, 1938), отметим лишь место и роль его в общем ходе развития витрувианства на Западе и у нас, как он рисуется в этом беглом очерке.

Как уже было указано, редактор этого издания Витрувия первоначально склонялся к очень низкой оценке Витрувия при сравнении его с теоретиками эпохи Возрождения. Но на Западе в послевоенное время произошел заметно крупный сдвиг в оценке

¹ Последнее издание вышло в 1937 г. (И. Б. Михаловский — Теория классических архитектурных форм. Изд. Всесоюзной Академии архитектуры, М. 1937).

Витрувия, что отразилось, хотя и не особенно удачно, в редакционной статье к изданию Витрувия (1936). Этот сдвиг исходил не из архитектурских, а из инженерных кругов под влиянием иллюзии якобы неограниченных возможностей развития техники в капиталистических странах. Витрувий представлялся родоначальником современных инженеров, и его «архитектура», включавшая не только статику сооружений, но и динамику строительных механизмов, явилась прообразом современной, обнимающей все отрасли культуры техники. Витрувий представлялся выразителем идеала полноценной архитектуры, соединяющей грандиозный размах строительства с возможным на данном этапе техническим и эстетическим совершенством. Выразителем такого понимания Витрувия и его архитектуры выступил инженер Закур в своей монографии о Витрувии, которая произвела большое впечатление в Европе и в Америке, пробудила интерес к Витрувию, но осталась все-таки, по существу, изолированным призывом ввиду быстрого разочарования, охватившего инженерные круги на Западе с наступлением кризиса. Однако в то время, как на Западе наступало мрачное разочарование в радужных перспективах развития техники, у нас, напротив, с каждой новой строительной пятилеткой эти перспективы все более оформлялись и крепились. Точно так же крепло сознание необходимости органического синтеза архитектурной эстетики и инженерно-строительной техники. Стало быть, самой практикой социалистического строительства выдвигается основное положение трактата Витрувия, по которому каждое капитальное строительство должно базироваться на трех принципах: монументальной вековечности (*diuturnitas*), функциональной целесообразности (*utilitas*) и совершенства эстетического оформления (*venustas*). Эти моменты классической архитектуры Витрувия осваиваются советской архитектурой, отражаются в практике архитектурного строительства.

Так сама жизнь восстает против игнорирования и недооценки Витрувия. Постепенно становится понятным, что только отсутствием настоящего, подлинно-исторического исследования и изучения Витрувия, только крайне поверхностным ознакомлением с трактатом Витрувия и обычным игнорированием Витрувия, как исторического источника, можно объяснить столь распространенное и печально распространенное неправильное приписывание трех вышеупомянутых принципов архитектуры Витрувия инициативе итальянского зодчего Палладио, вопреки собственным его ссылкам на Витрувия. Такие «неточности» довольно обычны.

Все это говорит о том, что в теории архитектуры Витрувий, как ее родоначальник, еще не освоен. Овладение им требует большой исторической работы над его трактатом.

Но не только в высказываниях о Витрувии сплошь да рядом повторяются всякого рода грубые ошибки¹, но, что гораздо досаднее, в самые переводы собственного трактата Витрувия вкрадываются такие формулировки и извращения смысла подлинника, благодаря которым Витрувий превращается в проповедника формализма и схематизма, в действительности будучи их непримиримым врагом, а его трактат, служивший на протяжении веков верным противоядием этих язв и глашатаем творчески полноценной архитектуры—в какую-то полную внутреннюю противоречий и неувязок фальшивку.

По этой части, можно сказать без преувеличения, вышеупомянутый перевод Витрувия в издании Академии архитектуры побил рекорд. Уже прежние, наиболее популярные переводы Витрувия (Перро и Шуази) упрощают Витрувия; первый в духе

¹ Так, в вышеупомянутом руководстве проф. И. Б. Михаловского жизнь и деятельность Витрувия датируются I в. не до нашей эры, а после,—что исторически совершенно невозможно, а инженер Фальковский в своей «Технической книге» приписывает авторство вышеупомянутого «Сокращенного Витрувия» Ф. В. Каржавину, который сам же в предисловии заявляет, что он только переводчик французского оригинала «Сокращенного Витрувия» Перро.

французского классицизма и его «правил» (règles), второй—в духе упрощенческих теорий, стремившихся при помощи Витрувия внести логику в ходячие механические формулы «Виньолы» («Новый Виньола», «Карманный Виньола» «Виньола» и т. п.). Начало первой главы первой книги Витрувия, ответственное место, где Витрувий дает определение архитектурной науки и ее соотношения с другими науками и искусствами, передано в переводе Академии архитектуры грамматически неверно и совершенно искажено, тогда как у Шуази это место передано точно и верно. Точно так же Шуази, который, по словам редакции Академии архитектуры, взят в основу всего издания,— несколько не повинен в формалистическом извращении даваемого тут же Витрувием тонкого определения взаимоотношений практики (fabrica) и теории (ratiocinatio). Равным образом не повинен Шуази в формалистическом толковании определения, даваемого Витрувием термину «decor», вопреки точному значению слов подлинника. Передача слов подлинника «probat is rebus» словами «по испытанным и признанным образцам» свидетельствует о полном непонимании в данном месте как текста подлинника, так и его перевода у Шуази. Но это непонимание льет воду на мельницу крайних формалистов и схематиков, которые могут цитировать в такой русской редакции текст Витрувия для оправдания его авторитетом своих вредных установок.

В другом, новейшем переводе Витрувия в издании Соцэкгиза таких антиисторических и формалистических установок нет.

Издание сразу двух переводов Витрувия в последние годы у нас должно свидетельствовать о назревшей в СССР настоятельной потребности в основательном изучении этого уникального источника теории и истории античной архитектуры.

Но в настоящее время изучение Витрувия не может ограничивать своих задач исследовательской работой исключительно только в плане теории и истории архитектуры. Успех разрешения задач в этом узком специальном плане целиком зависит от правильной постановки изучения Витрувия в более широком историческом плане, зависит от расшифровки его трактата, как оригинального документа интереснейшей эпохи.

Разработка этого источника именно в историческом плане, несомненно, вскроет нам не одну из темных еще страниц истории античной техники, истории материального производства греко-римского мира. «Витрувий насквозь историчен. Он понятен, он целиком стоит на реальной римской почве. Содержание его трактата тысячами вполне видимых и осязаемых нитей связано с Римом конца I в. до н. э.». Этим самым автор трактата «Об архитектуре» снимает покров с «загадочного античного сфинкса»¹, этого, добавим, античного «чуда», легендами о котором еще продолжает заполняться буржуазная история древнего мира.

Г. Поляков

¹ Из предисловия А. В. Мишулина к переводу Витрувия, Соцэкгиз, 1936, стр. 14.